

«Дракула»

УТРОМ ЛОЖИЛСЯ И НОЧЬЮ ВСТАВАЛ

Он пил хорошие вина, курил дорогие сигары и обожал своих собак. Он коллекционировал марки, любил кататься на лыжах и писал своим возлюбленным надрывные романтические стихи. Но день за днем перевоплощаясь на экране в демонических злодеев, он постепенно терял грань между реальностью и бредовой фантазией.

Самый знаменитый исполнитель роли Дракулы родился почти на родине своего персонажа — у западной границы Трансильвании, в городке Лугош, давшем ему позднее псевдоним, под которым его узнал весь мир. Ныне это Лугож в Румынии, тогда же, в 1882 году, город находился на территории Австро-Венгрии. Иштван Бласко, отец будущего кино-вампира, начал жизнь простым пекарем, но со временем сколотил состояние и, став одним из самых уважаемых жителей города, основал в Лугоше Народный банк и переквалифицировался в банкиры.

Его младший сын получил при крещении имя Бела Ференц Деже Бласко. Любимой забавой мальчика было драться со сверстниками и отнимать у них шапки, которые по условиям игры считались скальпами. Много лет спустя престарелый вампир хвастался своей юношеской сноровкой, утверждая, что в конечном итоге снял от семисот до полутора тысяч «скальпов» (надо думать, эти явно преувеличенные подвиги сослужили ему хорошую службу, когда в 1920 году в Германии ему случилось сыграть Чингачгук в фильме «Кожаный чулок»). Но даже такая захватывающая игра со временем приелась, и в 13 лет Бела убежал из дома, чтобы стать актером.

Путь к актерской профессии пролегал для него через горные рудники и железнодорожные мастерские. Прошли годы, прежде чем ему удалось попасть на сцену провинциального Народного театра, куда его взяли хористом в оперетту. После-

довал долгий период ученичества, и лишь в 1910 году Бела Бласко добился успеха в роли шекспировского Ромео. Ничто не предвещало ему в эти годы карьеру в фильмах ужаса: черноволосый красавец с латинской внешностью, чем-то похожий на будущего кумира Рудольфа Валентино, он выступал исключительно в амплуа романтических любовников, став вскоре ведущим актером Королевского, а затем еще более престижного Национального театра в Будапеште.

С началом войны он ушел в армию, а вернувшись, сыграл свою самую неожиданную роль — Иисуса Христа. В 1917 году он дебютировал в кино под именем Аристид Олт, но добиться прочного успеха на новом поприще ему помешал коммунистический переворот. Поддержав его идеи, Бела Бласко принял самое активное участие в создании профсоюза актеров и, возможно, в более радикальных мероприятиях, поскольку вслед за подавлением коммуны ему пришлось бежать в Германию. Через два года он эмигрировал оттуда в США.

Здесь в течение пяти лет он изредка снимался в кино и играл маленькие роли на сцене, а на большее ему не позволял претендовать акцент, от которого он так и не избавится до конца жизни. Но в 1927 году его пригласили на Бродвей, на главную роль в инсценировке «Дракулы» Брэма Стокера. Спектакль произвел сенсацию и не сходил с бродвейских подмостков целый год, а затем Лугоши отправился с ним в турне по стране.

В это самое время Карлу Леммле-младшему, главному продюсе-

ру студии «Юниверсл», пришла в голову блестящая мысль: он решил, что жанр, который больше всех должен выиграть от появления звука в кино, — это фильмы ужаса. Леммле вместе с режиссером Тодом Браунингом срочно запустил в производство экранизацию «Дракулы», взяв Лугоши на роль, которая уже прочно ассоциировалась с его именем. Расчет оправдался. Как только он произнес с экрана свою знаменитую первую реплику: «Я — Дракула. Добро пожаловать», — бессмертие было гарантировано и ему, и его акценту, и фильму, и всему жанру. Лугоши заворожил зрителей, как вампиру положено завораживать свою жертву. Пусть сейчас, по прошествии почти семидесяти лет, фильм вряд ли кого-то испугает —

«Дракула»

но тогда в кинотеатрах дежурили медсестры, чтобы откачивать зрителей, которым станет дурно от ужаса. Помимо зловещего акцента, особое впечатление производил гипнотический горящий взгляд вампира. Чтобы добиться такого эффекта, во время съемок Лугоши постоянно направляли в глаза два тонких луча света; кое-где в фильме видно, что один из них бьет чуть мимо.

Успех картины был настолько шумным, что студия тут же начала готовиться к экранизации самого знаменитого из готических романов — «Франкенштейна». На роль чудовища без колебаний пригласили Лугоши, но ко всеобщему изумлению он отказался. Для него причины были очевидны: по сценарию чудовище не произносит в фильме ни единого слова, ограничиваясь нечленораздельным мычанием. Более того, сложный грим должен был сделать актера в этой роли абсолютно неузнаваемым. Между тем Лугоши, никогда не страдавший от избытка скромности, уже успел почувствовать себя звездой.

Успех «Франкенштейна» превзошел все ожидания и прославил Бориса Карлоффа — актера, которому в конечном итоге досталась центральная роль. Это обстоятельство имело для Лугоши роковые последствия, но о них — чуть позже. Разумеется, он от души невзлюбил Карлоффа, который стал для него соперником номер один. Впрочем, пока беспокоиться ему было не о чем: его популярность оставалась колоссальной, он получал от поклонников больше писем, чем впоследствии получал Кларк Гейбл, роль Голливуда. В 1932 году он снялся в «Убийстве на улице Морг» по рассказу Эдгара По, в «Острове потерянных душ» — вольной экранизации «Острова доктора Моро» Герберта Уэллса и в своем лучшем фильме «Белый зомби» Виктора Хэлперина. Эту картину под конец жизни он называл своей любимой.

Два года спустя интерес к жанру пошел на убыль, и имя Лугоши само по себе уже не могло завлечь зрителей в кинотеатры. Продюсеры приняли очевидное решение и соединили двух титанов ужаса в одном фильме. Эта была лента Эдгара Дж. Ульмера «Черный кот», где Лугоши

Бела Лугоши и Эд Вуд — герои фильма «Эд Вуд»

сладострастно мстил Карлоффу, сдирая с него кожу живьем. Им предстояло встречаться на экране еще пять раз — памятнее всего в «Сыне Франкенштейна», где Лугоши сыграл изуродованного слугу барона, Игоря, промышленного тогра, сложнейшим гримом должен был сделать актера в этой роли абсолютно неузнаваемым. Между тем Лугоши, никогда не страдавший от избытка скромности, уже успел почувствовать себя звездой. Успех «Франкенштейна» превзошел все ожидания и прославил Бориса Карлоффа — актера, которому в конечном итоге досталась центральная роль. Это обстоятельство имело для Лугоши роковые последствия, но о них — чуть позже. Разумеется, он от души невзлюбил Карлоффа, который стал для него соперником номер один. Впрочем, пока беспокоиться ему было не о чем: его популярность оставалась колоссальной, он получал от поклонников больше писем, чем впоследствии получал Кларк Гейбл, роль Голливуда. В 1932 году он снялся в «Убийстве на улице Морг» по рассказу Эдгара По, в «Острове потерянных душ» — вольной экранизации «Острова доктора Моро» Герберта Уэллса и в своем лучшем фильме «Белый зомби» Виктора Хэлперина. Эту картину под конец жизни он называл своей любимой.

Шли годы, а Лугоши никак не мог забыть про то, что считал главной ошибкой своей жизни — отказ от роли чудовища Франкенштейна. Он твердо решил, что никогда не повторит эту оплошность, и будет отныне соглашаться на каждую предложенную роль. А роли, между тем, становились все хуже, сценарии все беспомощнее. Лугоши с его колоссальным самоменением словно не замечал этого. В рекламных целях продюсеры поощряли его эцентричность: он давал интервью, лежал в гробу, а однажды явился в голливудский ресторан с огромной гориллой. Так же как в детстве, когда его фантазия без труда превращала шапки в окровавленные

скальпы, теперь он сам начал сливаться со своими персонажами.

В картине «Франкенштейн встречает человека-волка» Лугоши, наконец, унаследовал роль, прославившую Карлоффа (тому она уже успела изрядно поднадоесть). По иронии судьбы, это был один из его последних удачных фильмов. В дальнейшем ему все чаще приходилось невольно пародировать свой собственный образ в убогих лентах категории «Б». Названия этих фильмов говорят сами за себя: «Мамаша Райли встречается с вампиром» или

«Бела Лугоши встречает Бруклинскую гориллу»...

Он много пил, затем пристрастился к наркотикам и в хроническом опьянении продолжал проклинать Карлоффа и мнить себя великим актером. Казалось, что ниже опускаться некуда, но апофеоз его унижения был еще впереди. В начале 50-х он познакомился с Эдом Вудом, которому вскоре предстояло обрести скандальную славу худшего режиссера всех времен. Лугоши снялся у него в нескольких лентах, бредовость которых поистине поражает воображение. За трансвеститской драмой «Глен или Гленда» последовал фильм ужаса «Невеста монстра», а затем и вовсе чудовищный «План 9 из открытого космоса». Но в нем Лугоши появился уже посмертно: он умер за несколько дней до начала съемок. Не желая расставаться со своей единственной звездой, Вуд использовал пару крупных планов Лугоши и дублера, постоянно прикрывавшего лицо рукавом плаща.

Это было в 1956 году. Бывшего вампира, согласно его завещанию, похоронили в знаменитом плаще Дракулы. Похороны не были ни многолюдными, ни особенно роскошными: никакого состояния он не оставил. Его самая знаменитая роль принесла ему в 1931 году пятьсот долларов, и ни центом больше. Но последний ироничный штрих был добавлен к его биографии лишь 39 лет спустя, когда Мартин Ландау получил «Оскар» за роль Бела Лугоши в фильме Тима Бертона «Эд Вуд».

Петр КАРЦЕВ